

павялічваюць якраз фігуры адымання слоў, за кошт умаўчання – сэнсавызначальных паўз – яшчэ больш раскрываецца тэмбральная палітра радка: «вочы – неба, броў – чарненька, гараць шчокі, а губ – маліны» [7, с. 31]. Аб’ём гучання ў дыяпазоне верша дасягае яшчэ большых адзнак, дзякуючы паэтычнаму пераносу, які падобны па сваёй ролі да стыкавай эўфоніі. Такое падабенства заключаецца ў стварэнні гукавога і ўнутрыобразнага адзінства для растаўлення моцных доляў-акцэнтаў. Прааналізуем некаторыя прыклады паэтычнага пераносу: «Цвіце Кася на ўсю вёску / Зоркай яснай. Каб хоць крошку, / Каб якіх яшчэ дзве хварбы...» [7, с. 32] або «Сіл не стане гэтакім летам / Змяляваці. Пайду светам, / Мо больш хварбаў там націсну» [7, с. 32]. У першым варыянце моцная доля трапляе, з аднаго боку, на вобраз зоркі яснай, што выступае метафарычным сінонімам да вобраза квітнеючай Касі, а з другога – акцэнтнае ўвагу на фарбах, якіх патрэбна «крошка». У наступным узоры задае тон перанесенае «змяляваці» і крыніцы натхнення для будучага малюнка – увесь свет, з яго шматлікімі фарбамі, краскамі, нотаўмі.

Такім чынам, паэзія, народжаная як песня, не проста мае тэмбральна-высокі голас, што ўпрыгожвае яе «самасць», але сама ўвасабляецца ў непаўторным напевае, каб нават самыя дробныя адценні-тоны загучалі ў слове. Такую паэзію-песню і грае «артыст-грайка», усё вышэй і ясней фарбы, усё глыбей і мацней вера, што песня ўстане з «стотысячнай сілай» і будзе жыць нанова!

Спіс выкарыстанай літаратуры

- 1 Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1-2 / Б. Асафьев. – Ленинград : Музгиз [Ленингр. отд-ние], 1963. – 378 с.
- 2 Бядуля, З. Збор твораў : у 5 т. Т. 1 / З. Бядуля. – Мінск : Маст. літ., 1985. – 407 с.
- 3 Васина-Гроссман, В. Музыка и поэтическое слово. Часть 2 Интонация, Часть 3 Композиция / В. Васина-Гроссман. – Москва : Музыка, 1978. – 368 с.
- 5 Колас, Я. Выбранае [склад. В. Бечыка] / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1983. – 375 с.
- 6 Купала, Я. Вершы і паэмы / [маст. М. Басальга] / Янка Купала. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 431 с.
- 7 Цётка. Творы / Цётка. – Мінск : Маст. літ., 1976. – 303 с.

In this article the phenomenon of musicality is specified as constant feature, natural property of Ciotka's poetic individual style. The mission of the aural perception of the lyrical world shall be laid upon its internal and external reflection in the sound pattern. Upon completion of this article many multi-faceted literary analysis methods were used, so their main objective is focused on the review of the literary text as the esthetically fertile work of literature that has high artistic credentials.

УДК 811.161.1'42:398.3(=16)

А. Ф. СОЛОВЕЙ

г. Могилев, ГУО «Средняя школа № 39 г. Могилева»

ОТРАЖЕНИЕ МОДЕЛИ МИРА СЛАВЯН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Жизнь древнего человека неотрывна от природы. Фразеологизмы и метафоры сохранили до наших дней память о тончайших наблюдениях человека за природой. Занимая важное место в жизни человека, образы животных и птиц воплотились в мифах, легендах, верованиях людей. Фразеологизмы, метафоры, пословицы – ценнейший источник культуры народа.

Душа народа, сформированная природой, может существовать и питать культуру только тогда, когда она наполнена верой. Именно религия определяет духовное становление, силу и тип культуры. Языческая религия не отделяла человека от мира природы, а посему способствовала

развитию тех особенностей культурного типа, которые были заложены в ней. Христианство же несколько отодвинуло человека от природы, привнеся в культуру моральную, нравственную доминанту [1].

Фольклор является не только «стержнем народной культуры, сосредоточением всего самого ценного и лучшего, что в ней есть, ее представительным типом», но и зеркальным отражением жизни общества в ходе его исторической эволюции [1].

Разумеется, в культуре каждого этноса сочетались как общие для всех народов элементы верований, диктуемые самим фактом пребывания на одной планете, так и специфически этнические особенности, определенные воздействием совокупности исторических, географических и иных факторов. Понятно, что именно это сочетание общих природных закономерностей и особых локальных условий развития и создавало то этническое разнообразие, которое было характерно для развития человечества, пока уровень межцивилизационного информационного обмена был ниже, чем уровень внутрицивилизационных процессов генерирования и обмена информацией [1].

Главным орудием постижения мира является язык, который закрепляет в своих знаках все проявления человеческого духа. Жизнь древнего человека неотрывна от природы, а природа была его домом, средой обитания. Человек и природа – две части мира, великие и важные [1]. Духовный мир любой нации определяется окружающей природой. Древние люди считали, что ничего мертвого в мире не существует. Весь окружающий мир мыслился ими как одушевленный. Культура, как вторая природа, возникла на взаимоотношениях человека и природы.

Древние славяне отражали себя в природе, сливались с ней и овладевали в воображении ее силами. О единстве природы и человека говорится и в Библии (описание рождения Марии) [2, с. 36].

Обожествляя природу и ее стихии, человек не просто наделял их душой и разумом, но и придавал им внешнее сходство с собой. В древности он не противопоставлял себя природе, так как всецело зависел от нее [2, с. 49].

Со временем человек противопоставил себя силам природы, вознес себя как венец творения, почувствовал себя властителем Земли. В конце XIX века человек перестает быть центром мироздания, он осознает свое место не над природой, а внутри ее [2, с. 128]. Все это нашло отражение в языке, в метафорах и фразеологизмах. До сих пор мы говорим – глубина души, широта помыслов, щедрость земли и др. Фразеологизмы и метафоры сохранили до наших дней память о тончайших наблюдениях человека за природой, что подтверждается выражениями *в природе вещей* (так и положено), *от природы, прирасти сердцем*.

Древние славяне – лесные жители, почти каждое дерево они наделяли сверхъестественной силой как целительной, так и разрушительной, и считали, что характер и будущее человека зависят от его связи с природой [3]. Например, слова *рожь, родить, урожай* одного корня; слово *жито* происходит от глагола *жить*. Рожь ранее была основой жизни. Особое символическое значение имеет в христианских культурах лоза: Христос говорил о себе «Я лоза», а ученики были ветвями.

У славян в названиях многих растений можно наблюдать «одомашнивание» природы: *заячья капуста, волчьи ягоды, гусиная лапка* и др.

Во многих русских загадках дерево и человек сливаются. Дерево являлось у славян мотивом приобщения к миру предков. Это объясняется и природными факторами, и фольклорно-обрядовыми традициями [3]. Существует предание о железном дубе, на котором держится вода, огонь и земля, а корень покоится на божественной силе. В произведениях русской поэзии дерево соединяет небо и землю, стороны света. Например, в стихотворении А.Фета «Заря прощается с землею» верхушки деревьев озарены солнцем, и кажется, что они принадлежат не только земле, но и небу: «... И землю чувствуют родную, и в небо просятся оне».

Некоторые растения, например, редька, боб, мак, стали негативными символами. Существуют в языке фразеологизмы: *надоел, как горькая редька; горькую редьку грызть; сесть маком. Береза в языке уподобляется девушке, облако – мысли, звезды – глазам.*

Дуб был главным деревом славян. Он ассоциировался с богом-громовержцем Перуном и считался воплощением мирового древа. Из дуба выпиливали крест на могилу и саму колоду, служившую гробом. Отсюда пошло выражение «дать дуба», то есть умереть.

К животным такие метафоры не относятся, так как они обладают одухотворенностью. Так, коню придаются свойства грома и молнии, он летает над облаками. Множество примет у славян связано с конем: ржет конь – к добру, топает – к дороге, фыркает – к доброй встрече. Козел у славян – это символ урожая, с одной стороны, и грешника, с другой (фразеологизмы: козел отпущения, как от козла молока, бить как сидорову козу).

Медведь считался хозяином леса, священным животным и символизировал плодovitость, отсюда пошел обычай переодевать одного из гостей на свадьбе в медведя. Медвежьи челюсти, когти и шерсть считались сильными оберегами.

Люди испытывали перед этим зверем такой трепет, что не называли его по имени, а лишь иносказательно. Слово «медведь», то есть «поедатель меда», было таким же прозвищем, как «косопалый», «топтыгин», «хозяин».

Собака также выступает действующим лицом во многих пословицах, поговорках (При верном псе сторож спит; Не бойся собаки брехливой, а бойся молчаливой). Известны фразеологизмы: собака на сене, гонять собак, вилять хвостом, собачий голод, собачий холод, как собаке пятая нога. С собакой связано и доброе начало (собачья верность, собаку съест), и злое (собачья злоба, как собака, сдохнуть в подворотне). Это объясняется тем, что в мифологической картине мира у славян собака причисляется к нечистым существам. Крестьяне не пускали собаку в избу, считая, что она могла ее осквернить. Хоронили собак в местах, которые трудно было найти. Отсюда и фразеологизм: где собака зарыта. Поскольку собака связана с загробным миром, она обладает способностью предвещать смерть. С этим связана примета: если собака воеет ночью, это к смерти.

Кошка – зверь, любимый славянами, с ней связано много примет и поговорок: Без кошки не изба, Кошки дерутся – мышкам приволье. До сих пор существует поверье: кто убьет кошку, тому семь лет удачи не буде; кто любит кошек – того они лечат и охраняют. Согласно русским сказкам, кошка – самое умное животное.

Птицы являются символами мысли, означают высоту духа. Существует множество фразеологизмов: ранняя пташка, видна птица по полету, крупная птица, птица высокого полета.

Птица в славянской мифологии противостоит разрушительным силам, но иногда несет смерть.

Занимая важное место в жизни человека, образы животных и птиц воплотились в мифах, легендах, верованиях людей. Фразеологизмы, метафоры, пословицы – ценнейший источник культуры народа, в них отражается модель мира предков, они являются доказательством мифологичности языка. Таким образом, язык фиксирует особенности национального самосознания [3].

В народной традиции формирование условного рефлекса засыпания имело характер ритуализованного действия. Приподнятость колыбели над «низом» достигалась обычно подвешиванием на крюк, тем самым обеспечивалась символическая защита от злых сил. Качание движением вверх было призвано способствовать ориентации ребенка на укрепление и рост.

Колыбельные песни обязаны своим названием действиям, производимым над колыбелью (колыхать, качать). Эти произведения, предназначенные для успокоения ребенка, перевода в состояние спокойного сна, часто называют «байками». «Баять» – значит «говорить», «заговаривать». Образы людей, отождествляемых с небесными светилами, семьи, предстающей как микро модель вселенной, в доступной форме открывали путь к постижению картины мира, способствовали поиску высшего смысла в обыденной земной жизни.

Информация, накопленная предшествующими поколениями, актуализируется в определенных условиях, в том числе в процессе освоения фольклора. Воспринимая фольклорные тексты, содержащие закодированную (порой сжатую до смыслообраза) информацию о наиболее важных для этноса процессах, явлениях, событиях, человек эмоционально переживает и «присваивает» их ценностное содержание. В этом смысле каждое фольклорное произведение является механизмом, способом трансляции социально значимой информации; системообразующим фактором преемственности культуры [3].

Список использованной литературы

- 1 Бердичевский, А. Л. Диалог культур: что дальше? / А. Л. Бердичевский // Мир русского слова. – 2005. – № 1–2. – с. 17–24.
- 2 Чулкина, Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. – 2007. – 256 с.
- 3 Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Электронный ресурс]. / Е. С. Яковлева Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/191885>. – Дата доступа – 16.02.2021.

The life of an ancient man is inseparable from nature. Phraseologisms and metaphors have preserved to this day the memory of the most subtle observations of man over nature. Occupying an important place in human life, the images of animals and birds were embodied in myths, legends, beliefs of people. Phraseologisms, metaphors, proverbs are the most valuable source of the culture of the people.

УДК 811.161.3'42:398.91:811.161.7'42

А. А. СТАНКЕВИЧ

г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Францыска Скарыны”

БЕЛАРУСКА-РУСКАЯ ПАРЭМІЙНАЯ ПРАСТОРА: КАНВЕРГЕНТНЫЯ І ДЫВЕРГЕНТНЫЯ З’ЯВЫ

У артыкуле праводзіцца супастаўляльна-тыпалагічны аналіз беларускіх і рускіх парэмій паводле іх тэматычнай акрэсленасці, функцыянальнай ролі, агульных і адметных уласцівасцей. Пры аналізе прыказкавых карэлятаў беларускага і рускага парэмійных фондаў вызначаюцца ў якасці асноўных кагнітыўная, лінгвапрагматычная і акцыянальная ролі правербіальных выразаў у грамадскім ужытку, указваюцца розныя спосабы вербалізацыі прыказкавага зместу ў блізкароднасных мовах.

Даследчыкі беларускага фальклору неаднаразова адзначалі яго сувязь з вуснай народна-паэтычнай творчасцю іншых славянскіх народаў, у першую чаргу ўсходнеславянскіх. Так, К. П. Кабашнікаў, аналізуючы беларуска-рускія фальклорныя сувязі, пісаў: «У фальклоры двух братніх народаў глыбока і аб’ектыўна адлюстроўваюцца агульнасць вытокаў духоўнай культуры, а таксама тэндэнцыі да пастаяннага пашырэння ўзаемадзеяння і ўзаемаўзбагачэння як важнейшых рыс фальклорнага працэсу. Пры гэтым мы памятаем, што ў беларускім фальклоры выразна выяўляюцца таксама сувязі з вуснапаэтычнай творчасцю ўкраінскага, польскага і іншых славянскіх народаў» [1, с. 3]. На падставе шматлікіх фактаў даследчык высвятляе вытокі агульнай фальклорнай спадчыны ўсходніх славян.

Неад’емным элементам нашага паўсядзённага жыцця з’яўляюцца народныя прыказкі і прымаўкі, якія традыцыйна адносяцца да так званых малых фальклорных жанраў. Іх стваральнік – народ – даволі актыўна і часта з гумарам адгукаецца на разнастайныя надзённыя пытанні і праблемы паўсядзённага жыцця, выказваючы мудрыя парады, карысныя рэкамендацыі, трапныя назіранні, цікавыя меркаванні, арыгінальныя погляды, услаўляючы пры гэтым найважнейшыя каштоўнасці і высокія маральна-этычныя прынцыпы грамадскага і сямейнага жыцця, катэгарычна асуджаючы розныя загану характару, паводзін, дзейнасці і ўзаемаадносін людзей.